

В. И. АБАЕВ

ИЗ ИРАНСКОЙ ОНОМАСТИКИ

1. О личных именах Ахеменидов

Древнеперсидские личные имена дошли до нас в значительном количестве как в самих древнеперсидских надписях, так и в вавилонской, эламской, греческой, арамейской, древнееврейской, египетской передаче. Подавляющее большинство этих имен без затруднения разъясняются средствами иранских языков и, стало быть, должны рассматриваться как оригинальные (незаимствованные). Но есть несколько имен, которые не получили до сих пор удовлетворительной иранской этимологии и относительно которых высказывались предположения о неиранском происхождении.

К числу их относятся три имени представителей династии Ахеменидов: *Kuruš*, *Ka^mbujiya*, *Šišpiš*. Мы попытаемся показать, что и для этих имен нет надобности искать объяснения за пределами иранского мира.

Имя *Kuruš* ‘Кир’ (авил. *Ku-ra-aš*, элам. *Ku-raš*, греч. *Κίροϛ*, др.-евр. *Koreš*) носили три представителя династии Ахеменидов: 1) дед Кира Великого, внук Ахемена, сын Чишпиша, брат Ариарамны (VII в. до н.э.); 2) основатель персидской мировой державы Кир (559–529); 3) сын Дария II – Кир Младший, павший в 401 г. до н.э. в битве со своим братом Артаксерксом II при Кунаксе.

Сначала Ф. Андреас, а за ним ряд других авторов – Х. Бартоломэ, Ф. Вейсбах, Г. Г. Шедер, Р. Н. Фрай – высказались предположительно в пользу неиранского характера имени *Kuruš*, поскольку никакой удовлетворительной иранской этимологии для этого имени не было предложено. Мнение, что прославленный основатель Персидского государства носил неперсидское имя, прочно утвердилось в науке.

Одним из аргументов в пользу неиранского происхождения имени *Kuruš* выдвигается тот факт, что эламская и вавилонская форма этого имени отличается от персидской и звучит *Kuraš*, а не *Kuruš*. Это обстоятельство навело Андреаса и других на предположение, не является ли именно эламская форма оригинальной и исконной, а персидская – заим-

ствованной и искаженной. Однако такое заключение нельзя признать ни формально логичным, ни исторически обоснованным.

Имя одного из сыновей Кира звучало по-персидски *Bardiya*, а в греческой передаче – *Σιέρδις*. Расхождение большое. Но разве это расхождение может быть доводом в пользу неиранского характера имени *Bardiya*? Имя дочери Кира греки передавали *Ἄτοσσα*; в персидском же оно должно было звучать **Hutausa* (авест. *Hutaosa-*), буквально ‘прекраснобедрая’. Опять серьезное расхождение: персидскому гласному *u* отвечает греч. *α* (как в соответствии перс. *Kuruš* // элам. *Kuraš*). Тем не менее нет сомнений, что дочь Кира носила персидское, а не греческое или иное имя. Можно было бы привести еще ряд примеров подобных расхождений между формой древнеперсидских имен и их передачей в других языках. Разумеется, эти расхождения заслуживают внимания и каждый раз требуют объяснения. Но они никак не могут быть доводом против иранского характера соответствующих имен.

Ставя под сомнение иранское происхождение имен Чишпиша, Кира и Камбиза, т.е. тех, кто царствовал в Персии до Дария I, приходят к выводу, что персидские цари только начиная с Дария I (*Dārayavauš*) стали получать иранские имена, тогда как имена *Čišpiš*, *Kuruš* и *Kambujiya* являются наследием какого-то доиранского этнического элемента.

Однако для такого предложения нет серьезных оснований. Члены династии Ахеменидов с самого начала, до Кира I и Камбиза I, носили уже чисто иранские имена. Родоначальник династии носил иранское имя Ахемен (*Haخa-maniš*, что значит ‘дружественно настроенный’). Брат Кира I, сын Чишпиша, назывался *Ariyāramna*, что значит ‘отрада арийцев’¹.

Другие члены второй ветви Ахеменидов, к которой принадлежал Дарий I, Аршама и Виштаспа, также носили имена, иранский характер которых не вызывает ни малейших сомнений. *Aršāma* является производным от *aršan-* ‘герой’; ср. осет. имя *Arsæmæg*. *Vištāspa* относится к многочисленной группе имен, содержащих *aspa-* ‘лошадь’.

Выходит, что Ахемениды сначала носили иранские имена, потом по неизвестной причине перешли на эламские (или какие-то другие), потом снова вернулись к иранским. Такое положение вещей лишено всякого правдоподобия.

Нет надобности подчеркивать, что этимология имени *Kuruš* имеет не только лингвистический, но и исторический интерес. Неиранское происхождение этого имени, если бы оно было доказано, поставило бы под сомнение происхождение самого Кира и возродило бы доверие к сообщению Николая Дамаскина, утверждавшего со ссылкой на Ктесия, что Кир вообще происходил не из царского рода².

В действительности версию Николая Дамаскина, несмотря на авторитет Ктесия, вряд ли можно принимать всерьез. Она основана, как обычно считают, на фольклорной традиции. Высказывалось также мнение, что она была придумана в кругу преемников Дария с целью дискредитировать ветвь Кира и оправдать узурпацию власти Дарием I³.

Таким образом, в истории Ахеменидов, как и в их ономастике, нет ничего, что делало бы вероятным чужеродное, неперсидское происхождение имени Кира. Разъяснение этого имени надо искать на иранской и только на иранской почве.

Есть ли попытка истолковать имя Кира на базе персидского языка? Да, есть. Личность Кира произвела огромное впечатление на весь древний мир, и уже тогда его имя было предметом этимологических догадок или, лучше сказать, этимологических фантазий. Одну из них сохранил нам Плутарх⁴. По его словам, имя Кира на языке персов означало 'солнце'. Трудно сказать, на чем основан этот домысел. Солнце в древнеиранском называлось *hvar-*, и мы не знаем таких фонетических закономерностей, которые могли бы превратить *hvar-* в *kuru-*. Быть может, эта этимология подсказана тем, что древнеперсидский клинописный знак *ku* в вавилонском означал 'солнце'⁵.

Между тем имя *Kuruš* допускает не фантастическую, а вполне реальную и простую иранскую этимологию.

В иранских языках широко распространена основа *kur-* в значениях, которые вполне подходят для мужского собственного имени. Я имею в виду следующий ряд: курд. *kur* 'сын, мальчик', перс. *kurra* 'жеребенок, осленок, верблюжонок', пехл. *kurraḱ* 'детеныш животного'. В пользу того, что слово бытовало и на восточноиранской почве, говорит осет. *k_oyr/kur* 'бычок'.

Должен сказать, что я не сразу разобрался в происхождении этого осетинского слова. В моем «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» (М.-Л., 1958, с. 608) я пытался связать это слово с некоторыми угрофинскими названиями оленя-самца, быка и др. Но недавно известный финский лингвист А. Йоки показал ошибочность моих сопоставлений⁶.

Для объяснения осет. *kur* 'бычок' я привлекал также груз. *k'uro* с тем же значением. Но и здесь более тщательный разбор показал, что не осетинское слово идет из грузинского, а скорее грузинское из осетинского. Дело в том, что именно заимствованные существительные получают в грузинском часто окончание *o*: *okro* 'золото' (греч. *οχρως* 'желтоватый'), *sp'ilo* 'слон' (перс. *pil*) и др. Это явление наблюдается и в некоторых бесспорных заимствованиях из осетинского: *ormo* 'яма', осет. *wærm, uso* 'почтенная женщина', осет. *ūs*⁷. В этом ряду оказывается и груз. *k'uro* из

осет. *kur*. Если бы заимствование шло в обратном направлении, то осетинский удержал бы смычно-гортанный *k'*, как в *k'udi* 'хвост' и мн. др.

Любопытно, что в осетинском основа *kur-* выступает и в глаголе *gəyryn/igurun* 'рождаться' из **vi-kur-*. Сюда же относится, видимо, согд. *wk'wr*, значение которого по контексту не устанавливается с полной уверенностью, но всего лучше подходит перевод 'родня' или 'потомство'⁸.

Показания осетинского языка важны в двух отношениях. Во-первых, они подтверждают, что основа *kur-* была общеиранской; во-вторых, из осетинских фактов явствует, что эта основа функционировала и как именная, и как глагольная, что говорит обычно о древности и исконности данной основы.

Итак, приведенный материал дает право восстановить общеиранскую основу **kur-*, которая в качестве глагольной означала 'рождаться', а в качестве именной – 'детеныш, мальчик, молодой самец, герой' и т.п.

Такая основа вполне подошла бы для образования мужского собственного имени, и нам представляется, что от этой именно основы образовано др.-перс. *Kuruš*. По значению это имя было бы близко к греч. ἄρσεν 'мужчина, мужественный, доблестный, мощный' (= ир. *aršan-* 'самец') или лат. *Junius* (ср. слав. *junь*, с.-хорв. *Юнак* 'юноша', 'герой' как собственное имя и т.п.).

Словообразовательная модель *kuru-* такая же, как, скажем, в др.-инд. *kāru-* 'певец' от *kar-* 'петь', *sunu-* 'сын' от *su-n-* 'рождаться', *bandhu-* 'родственник' от *bandh-* 'связывать', *ripu-* 'обманщик' от *rip-* и многие др.⁹.

Двойной *rr* в перс. *kurra* 'детеныш', восходит ли он к *rn*, как в *parr* 'крыло' из *parna-* и т.п., или возник вторично, ни в малейшей мере не препятствует предложенной этимологии. Если *kurr(a)* восходит к **kurna*, то в *kur-u-* и *kur-na-* мы имеем два нормальных параллельных образования от *kur-*, которые формально относятся друг к другу, как, скажем, др.-инд. *pur-u-* к *pur-na-* от *pur-(př-)* 'наполнять' и т.п. Но *-rr-* в *kurra* может быть вторичным и неэтимологическим, как в *xarr* 'осел', рядом с *xar*, *narr*, *narra* 'мужской', рядом с *nar* и др. (P. HORN. Grundriss der iranischen Philologie I, 2, Strassburg, 1895, 1901, с. 54). В любом случае курд. *kur* отражает старое состояние, и оно независимо от персидского, что явствует и из различия значений 'сын', 'мальчик', а не 'осленок' и пр.

Словообразовательные значения основ на *-u-* делали их вполне подходящими для образования личных имен. В диссертации Г. И. Никулина, посвященной *u-*основам в латинском языке, приводятся данные о лексических значениях *u-*основ в древних индоевропейских языках. И почти всюду в числе других разрядов слов выделяются либо собственные имена, либо слова, которые характеризуют человека и по своему значению могут

становиться собственными именами: Хеттский: ...имена богов. Санскрит: ... названия родства и семейных отношений, названия действующих лиц... имена божеств и демонов¹⁰ ... собственные имена. Авестийский язык: имена родства... названия действующих лиц... имена злых и добрых духов... Древнегреческий язык: ...названия родства... названия народов... Латинский язык: ...имена родства... имена божеств. Готский язык: имена родства...¹¹.

Таким образом, имя *Kuru-* по своей словообразовательной модели и по своему использованию в качестве мужского личного имени находится в полном согласии с общеиндоевропейской традицией и не требует никаких специальных комментариев.

Сильнейшим аргументом в пользу исконно иранского и арийского характера имени *Kuruš* служит, наконец, то, что оно существует и в древнеиндийском.

Имя *Kuru-* носил один из царей рода Бхарата. Его потомки назывались *Kaurava-*.

Препятствием к сближению др.-перс. *Kuruš* и др.-инд. *Kuruš* может показаться то, что в первом мы привыкли видеть долгий *ū*, а в индийском нет долготы. Дело, однако, в том, что долгота *u* в *Kuruš* мнимая. По принятой в древнеперсидской клинописи знаки *ku, gu, tu, nu, ru, tu* обязательно сопровождалась еще и знаком *u*, независимо от исторической долготы или краткости этого гласного. Иначе говоря, древнеперсидская клинописная графика не различает долгого и краткого *u* (как и долгого и краткого *i*).

Греч. *Kūros* также не обязывает к чтению *Kūruš*, так как у некоторых авторов сохранилась передача имени Кира в форме *Kúros* и *Kóros* и нет доказательств, что эти написания менее точно передают количество корневых гласных в древнеперсидском, чем написание *Kūros*.

Нет поэтому никаких оснований приписывать долготу корневому гласному в др.-перс. *Kuruš*, и, стало быть, отпадают всякие препятствия к его отождествлению с др.-инд. *Kuruš*.

Перехожу к имени *Kambujiya* (авил. *Ka-am-bu-zi-ja*, элам. *Kan-bu-ši-ja*, греч. *Καμβουσις*).

Это имя носили два представителя династии Ахеменидов – отец знаменитого Кира, Камбиз I, и сын Кира, Камбиз II.

Имя Камбиз получило вполне удовлетворительное разъяснение в посвященной ему статье Шарпантье¹². Однако этимология Шарпантье была встречена с некоторым недоверием и не получила общего признания. Совсем недавно Р. Н. Фрай (R. N. FRYE) в своей книге «Heritage of Persia» (New York, 1962) вновь высказался за то, что имя Камбиз, как и

имя Кир, является доиранским наследием. Поэтому считаю нелишним сказать несколько слов в пользу разъяснения Шарпантье.

Первое, что нужно подчеркнуть и мимо чего нельзя пройти, – это тот факт, что конечное *-iya* в *Kambujiya-* – хорошо известный древнеиранский адъективный суффикс, который легко распознается и в некоторых других древнеперсидских личных именах: *Bardiya-*, *Marduniya-*. Исторически и формально он соответствует лат. *-ius* в таких именах, как *Claudius*, *Curtius*, *Aurelius*, *Cornelius* и т.п. Мы имеем, стало быть, все основания думать, что как оформитель личных и фамильных имен этот суффикс является общеиндоевропейским наследием.

В объяснении нуждается, следовательно, слово **Kambuja-*, от которого по всем правилам древнеиранского словообразования получено *Kambujiya-*.

Шарпантье приводит ряд выдержек из индийских источников, где упоминается восточноиранское племя *Kamboja-*. От этого племенного названия и образовано, по Шарпантье, имя *Kambujiya*.

Безупречная с формальной стороны этимология Шарпантье нуждается в обосновании и подкреплении только в двух аспектах. Во-первых, могут ли этнические (и географические) названия использоваться для образования личных имен, и, во-вторых, объяснимо ли использование данного конкретного этнонима.

На первый вопрос следует ответить положительно. За параллелями не приходится далеко ходить. Они имеются в самом древнеперсидском. Один из сыновей Артаксеркса I назывался (в греческой передаче) *Σουδιανός*, т.е. согдийцем. Это имя образовано от этнонима *Sugda* с помощью уже известного нам форманта *-iya* (*Sugdiya-*), на который вырос еще формант *-(a)na-* (*Sugdiyana-*). Этнонимическое происхождение вполне вероятно и для др.-перс. имени *Marduniya* ‘Мардоний’. Это имя объясняли из иран. *m̥zu-* ‘короткий’, инд. *m̥du-* ‘нежный’, перс. *mul* ‘вино’ (в смысле ‘винодел’) и др. Мне представляется, что *Marduniya-*, так же как *Kambujiya-* и *Σουδιανός*, происходит от этнического названия, а именно от названия племени мардов, известного в различных частях Ирана и на Армянском нагорье, и в том числе как одно из персидских племен (Геродот, I, 125). Это название в греческих источниках известно в двух вариантах: *Μάρδοι* (Геродот и др.) и *Μαρδόνιοι* (Ксенофонт, Анабазис, 4, 3, 4)^{12a}. Последний вариант и лежит, по моему мнению, в основе имени *Marduniya-*. Наконец, многочисленные имена, содержащие *arya-* ‘ариец’ (*Ariyaramna*, Ариобарзан, Ариарат, скифские Ариапит, Арифарн и др.), должны быть отнесены к этому же типу, поскольку элемент *arya-* ‘ариец’ есть в конечном счете тоже этнический термин.

Традиция давать имена от этнических названий сохраняется в иранских языках по сей день. Приведу несколько примеров из осетинского.

Мужские имена *Tætæri*, *Tætærqan* образованы от названия татар; женское имя *Goryzuxan* от *Goryzu* ‘грузины’; мужское имя *Mysyrbi* и женское *Mysyrxan* от *Mysyr* ‘Египет’; женское имя *Meretxan* от *Meret* ‘Имеретия’; мужское имя *Qæræse* букв. ‘Карачай’, ‘карачаевский народ’ и др.

Не чужд этот тип имен и курдскому. Из трех курдов, с которыми лично я имею честь быть знакомым, двое носят имена, являющиеся этнонимами: Араб Шамилов и Черкес Бакаев. Да и за пределами иранского мира нет недостатка в подобных именах. Французское имя *Alain*, английское *Alan* (*Allan*) происходят от названия народа алан. Такого же характера имена франц. *Germain*, англ. *Frank*, арм. *Армен* и др. Об употреблении τῶν ἔθνικῶν в качестве личных имен в греческом см.: В. ЛАТЫШЕВ, Эпиграфические этюды (ЖМНП, 1986, март, со ссылкой на: А. FICK, *Die griechische Personennamen*, с. 339).

Могут возразить, позволительно ли сопоставлять факты столь различных исторических эпох. Думаю, что в данном случае это вполне оправданно. Излюбленные структурные типы антропонимии сохраняются с большим постоянством на протяжении тысячелетий. От глубокой древности до наших дней сохраняются имена теофорные, т.е. содержащие имя бога; имена зоофорные, содержащие название какого-либо животного; имена магической направленности; имена-характеристики и др. К тому же устойчивому типу надо отнести имена, которые можно назвать «этнофорными», т.е. содержащими этническое название.

Признав *Kambujiya* одним из таких «этнофорных» названий, можно, однако, задать вопрос: чем объяснить, что представителю династии Ахеменидов дали имя от какого-то малоизвестного в древности племени, которое ни разу даже не упоминается в древнеперсидских источниках, равно как и в Авесте? Но и в этом нет ничего невозможного. Ошибочно думать, что в антропонимии используются только названия великих народов или таких, которые сыграли исключительную роль в жизни данного народа. Нет, любой этнический термин может быть использован при наречении, если он почему-либо «пришелся по душе». Аланы мелькнули во Франции, как метеор, в IV в. и быстро исчезли. Но этого оказалось достаточно, чтобы у французов появилось имя *Alain*. Карачаевцы не играли никакой особой роли в истории осетин, а черкесы – в истории курдов. Но их названия «пришлись по душе», и поэтому мы находим у осетин имя *Qæræse*, а у курдов – *Черкес*. Нет, стало быть, ничего удивительного в том, что имя Камбиз образовано от малоизвестного в древности племенного названия *Kamboja*.

Короче, предложенное Шарпантье разъяснение имени *Kambujiya* безупречно во всех отношениях и делает излишним обращение к каким-то доиранским или неиранским источникам.

Остается третье неразъясненное имя – *Čišpiš* (вавил. *Ši-iš-pi-iš*, элам. *Ši-iš-pi-iš*, греч. *Τείσπις*). Это имя встречается в генеалогии Ахеменидов только один раз. Так назывался сын Ахемена, отец Кира I и Ариарамны, родоначальник обеих ветвей династии Ахеменидов. Имя *Čišpiš* сопоставляли с именем киммерийского вождя *Teušpa*, именем хурритского бога *Tešub*, урартского *Tešeba*, названием урартской столицы *Tušpa*¹³. И с формальной и с реальной стороны эти сопоставления не убеждают.

Во-первых, несомненно, что начальный согласный звучал *č*, а не *t*. Это видно не только из древнеперсидского написания, но также из вавилонской и эламской передачи. Греч. *Τείσπις* ничего не говорит, так как греки не имели знака для аффрикаты *č* и в других случаях также передавали др.-перс. *č* через *τ*, например, др.-перс. *Čissafarna* – греч. *Τισσαφέρης*. Каким же образом из *Tešub*, *Tešeba* или *Teušpa* могло получиться *Čišpiš*? Почему не приводится хоть один случай подобных звуковых метаморфоз?

Далее, если подойти к вопросу с реально исторической стороны, совершенно непонятно, каким образом Ахемениды, которые во времена Чишпиша были еще мелкими князьками местного значения и вряд ли покидали свою Персиду, могли получать имя отдаленного и абсолютно чуждого им хурритского или урартского бога или киммерийского вождя. Все это до крайности натянуто и неправдоподобно.

Предлагаемая мною этимология сводится, коротко говоря, к следующему: *Čišpiš* неотделимо от др.-инд. *śiśviṣ*, производного от *śva(y)*- ‘расти, крепнуть, становиться сильным, мощным’, иран. *spa(y)*-. Форма *śiśviṣ* встречается в Риг-Веде только в сочетании *su-śiśviṣ* ‘прекрасно растущий’ – о младенце (имеется в виду *agni*) в утробе матери¹⁴. Древнеиндийскому *śiśviṣ* должно отвечать закономерно иран. **sispiš*, и, хотя такая форма не засвидетельствована, данный вид основы (удвоение, слабая ступень корневого гласного) представлен в Авесте в медиальном причастии *sispimna*-.

Чтобы обсудить, в какую семантическую сферу вводит нас данная лексема и насколько она подходит для образования мужского имени, приведу некоторые дериваты данного корня в древнеиндийском: *śavas*- ‘мощь, сила, богатство’, *śura*- ‘мощный, герой’ (авест. *sura*-), *śavira*- ‘мощный’, *śiśu*- ‘дитя, детеныш’ (‘растущий’, ‘набирающий сил’), *śuna*- ‘счастье’, *śvatra*- ‘дающий силу’ и пр. Как видим, все это такие понятия, использование которых для мужского имени, можно сказать, напрашивается само собой.

Но как объяснить, что вместо ожидаемого **sispiš* мы имеем в др.-перс. *čišpiš*? Думаю, что здесь нет непреодолимых трудностей.

Ассимиляция с конечным шипящим могла способствовать переходу **sispiš* в *šišpiš*. Что касается перехода начального *š* в *č*, то это, надо полагать, одна из тех фонетических вольностей, которые нередко приходится замечать именно в личных именах и которые не наблюдаются в других разрядах слов. Как раз такого рода перебой, т.е. переход сибиллянта в аффрикату, известен в ряде собственных имен в осетинском. Так им я Шамиль встречается в двух формах: *Samel* и *Camel*. Заимствованное из Грузии *Sosik'o* получило два варианта *Sosko* и *Cocko*. Женское имя *Sona* встречается также в форме *Cona*. Может быть, осетинскому вообще свойственно заменять сибиллянты аффрикатами? Нет. Скорее наоборот. Так, груз. *saceri* 'сито' дало в осетинском *sasir*. Стало быть, переход *s*→*c* – специфика собственных имен.

Эти соображения дают право видеть в *čišpiš* своего рода ономастическую вариацию ожидаемого **šišpiš* и сопоставить его с древнеиндийским *śišviṣ*¹⁵.

Подведем итог. Вопреки утвердившемуся в науке мнению, что ряд ахеменидских имен, а именно: *Kuruš*, *Kambujuya*, *Čišpiš* – неиранского происхождения, они могут быть объяснены средствами иранских языков, и, стало быть, все без исключения ахеменидские имена являются оригинальными, персидскими.

Kuruš представляет производное от общеиранской и общеарийской основы **kur-*, которая в качестве глагольной означала 'рождаться', а в качестве именной – 'дитя, детеныш, молодой самец, герой' и пр.

Имя *Kambujuya*, как и *Marduniya* относится к числу имен, образованных от племенных названий.

Имя *Čišpiš* с учетом небольших фонетических капризов, которым часто подвержены личные имена, отвечает древнеиндийскому *śišviṣ* и означает 'растущий, мощный'.

Обозревая личные имена Ахеменидов с точки зрения их компонентов и семантики, мы легко распознаем несколько типов, хорошо известных в других иранских (и неиранских) языках.

1. Имена, содержащие элементы *baga-*, *arta-*, *farnah-*, *xšadra-*. Первое из этих слов означает 'бог'. Остальные три переводятся соответственно 'правда', 'благоденствие', 'власть'. Перевод приближенный, так как эти понятия были окружены у древних иранцев религиозным ореолом, который с трудом поддается переводу¹⁶. Поэтому имена, содержащие эти четыре элемента, мы без всякой натяжки относим к категории теофорных, таковы:

**Bagaratiš* (*Μεγαβάτης*) – двоюродный брат Дария I (ГЕРОДОТ, 5, 32)¹⁷.

Βαυαπαιος – сын Артаксеркса I (КТЕСИЙ, 44).

Artaxšassa – Артаксеркс, имя трех царей из династии Ахеменидов.

Αρτάβανος – сын Гистаспа, брат Дария I (ГЕРОДОТ 7.10, 15 и сл., 46 и сл. и др.).

Αρταφέρνης – сын Гистаспа, брат Дария I (ГЕРОДОТ, 5, 25, 30).

Αρτοβαζάνης – сын Дария I (ГЕРОДОТ, 7, 2).

Αρταϊός, Ахеменид (ГЕРОДОТ, 7, 22).

Αρταχαιής, Ахеменид (ГЕРОДОТ, 7, 63).

2. Имена зоофорные (содержащие название животного):

Vištāspa – Гистасп, отец Дария I; во второй части ‘лошадь’.

Gaubariva – имя одного из сыновей Дария I (ГЕРОДОТ, 7, 72), а также одного знатного перса, сподвижника Дария I (Бехистунская надпись, 4, 86; ГЕРОДОТ, 3, 70, 73, 78); в первой части *gau-* ‘бык’, ‘крупный рогатый скот’.

3. Имена этнофорные (содержащие племенное название):

Kambujiya – сын Кира (см. выше).

Σουδιανός – сын Артаксеркса I (см. выше).

Marduniya – имя нескольких знатных персов (см. выше).

4. Имена-характеристики, лаудативные или ласкательные:

Čišpiš – имя сына Ахемена, родоначальника Ахеменидов; вариация слова **sispiš-*, др.-инд. *śiśviṣ* ‘растущее дитя’ (см. выше).

Kuruš – имя нескольких Ахеменидов; означает ‘юнец’, ‘Junius’.

Naḫāmaniš – Ахемен, родоначальник династии; “дружественно настроенный”.

Dārayavauš – имя нескольких царей из династии Ахеменидов; “носитель добра”.

Aršama – дед Дария I; “мужественный” (от *aršan-* ‘самец’, ‘герой’).

Xšayāršā – сын Дария I; “царственный (*xšay-*) герой (*aršan-*)” или “царствующий над героями”.

Μασισης – сын Дария I (ГЕРОДОТ, 7, 82) = др.-иран. *masišta-* ‘величайший’.

Bardiya – сын Кира, брат Камбиза = др.-иран. **barzya* ‘возвышенный’.

II. Авестийское SPITAMA – пехлевийское SPITĀMĀN – осетинское SIDÆMON

В известном словаре иранских личных имен Ф. Юсти под леммой *Spitāta* приводятся следующие данные:

1. *Spitāta* – в Авесте патронимическое наименование Заратуштры; в пехлевийском переводе Авесты снабжено патронимическим суффиксом *-an*: *Spitāmān*.

2. *Spitāta* – потомок Заратуштры (по авестийскому тексту – Яшт 13, 98).

3. *Σπιταμᾶς* – мидиец, супруг Амитиды (*Amytis*), дочери мидийского царя Астиага (КТЕСИЙ, Pers. 2).

4. *Σπιταμᾶς* – сын Петеса, персидского полководца при Артаксерксе I (КТЕСИЙ, Pers. 39).

5. *Σπιδάμης* – отец Сатрабата согласно надписи из Фанагории IV в. до н. э.

Отдельно дается лемма *Σπιταμένης*, под которой названы два лица:

1) предводитель согдийской конницы в войне против Александра Македонского (Арриан);

2) бактриец, свояк Селевка Никатора (Арриан)¹⁸.

К этому списку следует теперь присоединить осетинское *Sidæmon*. Так зовется в осетинских народных преданиях один из родоначальников осетинского народа¹⁹.

Звуковое и словообразовательное развитие представляется совершенно ясным. Группа *sp* закономерно дает в осетинском *fs*: др.-иран. *aspa*- ‘лошадь’ → осет. *æfsæ* ‘кобыла’. Но если речь идет о группе *sp* в начале слова, то тут возможны два варианта. Либо и в этом случае *sp* дает *fs*-, но тогда впереди возникает обязательно протетический гласный *æ*: др.-иран. *spāda*- ‘войско’ → осет. *æfsad*. Если же оказавшийся в начале фрикатив *f* не защищен протетическим гласным, то он отпадает и мы получаем соответствие др.-иран. *sp*- → осет. *s*-: др.-иран. *spiš* ‘вошь’ → осет. *sistæ*, др.-иран. **sfijau*- (др.-инд. *sphijau*-) ‘зад’ – осет. *si zæ* и др. Этот последний вариант развития начальной группы *sp* приходится предполагать и в осет. *Sidæmon* и, стало быть, возводить его закономерно к **Spitamān*. Окончание *-on* (← *-ān*) является патронимическим²⁰. Стало быть, *Sidæmon* означает «сын (потомок) Сидама», т.е. Спитама.

Фольклорные материалы, относящиеся к Сидамону, собраны З. Н. Ваневым в его брошюре «Народное предание о происхождении осетин» (Сталинир, 1956). Приводим некоторые выдержки из этой работы.

«В Осетии, как в Северной, так и Южной, было распространено следующее предание о происхождении осетин: родоначальником осетин является Ос-Багатар. У него было пять сыновей: Сидамон, Царазон, Кусагон, Агуз и Цахил. От них произошли роды Сидамоновых, Царазоновых, Кусагоновых, Агузовых и Цахиловых» (С. 3). «Сохранилась следующая характеристика трех из этих родов: многочисленность Сидамоновых, во-

инственность Агузовых, слава Кусагоновых... Оттого род Сидамона распространился по всей стране...» (С. 6)²¹.

«Грузинские феодалы-князья Эривастави Арагвские также происходили, по преданию, из рода Сидамоновых. И в настоящее время в Грузии сохранилась фамилия Сидамон-Эривастави» (С. 9)²².

З. Н. Ванеев приводит также замечание д-ра Пфафа («Материалы для древней истории осетин. Сборник сведений о кавказских горах», V, 1871, С. 59), который говорит, что происхождение (вышеназванных) осетинских колен теряется в глубочайшей древности и что «колени Сидамонцев упоминаются еще в VI веке при императоре Юстиниане» (С. 19).

О популярности данного этнографического предания свидетельствует, между прочим, то, что оно нашло отзвук в некоторых народных песнях. Так, в ритуальной песне, исполняемой при изготовлении пива, поется:

Dæ kad Sidæmony kadæm fæwæd!

«Да будет твоя слава подобна славе Сидамона!»²³.

Имя Сидамон встречается и в некоторых вариантах эпических сказаний осетин, известных под названием «Нартовских»: *Narty Bycegy fyrt Sidæmon* «сын Нарта Бицега Сидамон» (запись автора).

Есть данные, что еще в XVI в. имя Сидамон употреблялось в аланской среде как личное собственное имя. В одном из венгерских архивов обнаружен документ о переписи 1550 г. В нем в числе венгерских алан (ясов) значится лицо по имени *Zidmōn*²⁴.

Первый вопрос, который встает, заключается в следующем: зависит ли осетинский *Sidæmon* от авестийского *Spitāma*, как это можно утверждать в отношении пехлевийского *Spitāmān*? Ответ может быть только отрицательный. В отличие от пехлевийского осетинский *Sidæmon* никак не связан с авестийской традицией и выступает в контексте совершенно самостоятельного этногонического предания.

Мы уже отмечали, что в осетинском языке, фольклоре, мифологии, религии нет никаких явных следов зороастризма, как нет их и в религии скифов, как она рисуется у Геродота и других античных авторов. Это дает нам право утверждать, что скифо-сарматские племена, одни в иранском мире, остались чужды зороастризму²⁵. Поэтому осет. *Sidæmon* следует рассматривать вне зороастрийской традиции, так же как скифское имя *Σπιδάμις* в надписи из Фанагории IV в. до н.э.²⁶.

Вместе с тем *Spitama* как скифо-авестийская ономастическая изоглосса весьма любопытна. Имен, которые встречались бы и в Авесте и в скифском, – считанные единицы, и они заслуживают тем более пристального внимания. К числу их кроме Спитама относится авест. *Fryāna*

// скиф. *Φλιάνος* (Ольвия). *Fryāna* принадлежал по Авесте к турскому, т.е. скифскому, роду, и наличие этого же имени в далекой Ольвии, но тоже на скифской почве вполне понятно²⁷. Не говорит ли совпадение имен авест. *Spitāma* // скиф. *Σπιδάμης*, осет. *Sidæmon* об этнической близости рода Зороастра к скифам? Такую возможность нельзя считать исключенной. Из всех имен, которые сюда относятся (см. выше, с. 271 и сл.), только скиф. *Σπιδάμης* и осет. *Sidæmon* можно с уверенностью прикрепить к определенной этнической среде – скифо-сарматской. Из какого иранского племени происходил Зороастр, мы не знаем. Известный в истории Александра Великого Спитамен, хотя и возглавлял согдийцев, сам мог быть саком, т.е. скифом, так как скифы вместе с согдийцами участвовали в войне с Александром.

Что касается Спитама, за которого, по Ктесию, выдал свою дочь Амитиду мидийский царь Астиаг, то весь этот рассказ мог быть сочинен самим Ктесием (по Юсти, с. 15 – «ungeschichtlich»), а имя Спитама он мог взять из инвентаря «зороастрийских» имен, употребительных в его время среди персов и мидийцев.

Но если даже поверить в достоверность рассказа Ктесия, его Спитама не обязательно был мидийцем. В VII в. до н.э. в Мидию вторглись скифы и долго там хозяйничали²⁸. Не исключено поэтому, что Спитама, если он вообще существовал, был какой-нибудь знатный скиф, с которым породнился Астиаг. Мидийский царь Астиаг мог выдать свою дочь за скифа Спитама, как до него ассирийский царь Асархаддон выдал свою дочь за скифского вождя Партатуа²⁹.

Как бы то ни было, бесспорно одно: говоря об этнической принадлежности рода Спитама, из которого происходил Зороастр, следует иметь в поле зрения осетинский эпоним *Sidæmon* и скифское имя *Σπιδάμης* как два случая, этническая отнесенность которых не вызывает сомнений.

Несколько слов об этимологии рассматриваемых имен.

В основе лежит, бесспорно, иран. *spita-*, *spaita-* ‘белый, светлый’ [ср. авест. *spita-*, *spiti-* (в сложных словах), *spaeta-*, перс. *sapēd*, *safēd*, др.-инд. *śveta-*, *śvitna-*, слав. *svěťь*]. Имя *Σπιτομένης* Ф. Юсти толкует как сложение **Spita-manah-* ‘имеющий светлый дух’, а авестийское *Spitāma-* считает укороченной формой этого имени. По образованию *Spitāma-* совершенно напоминает древнеперсидское имя *Aršāma-*. Но последнее разъясняется не как укороченное из **Aršā-manah-* (‘имеющий мужественный дух’), а как сложение *Aršā-ama-* ‘имеющий мужественную силу’³⁰. Такой различный анализ идентичных по образованию имен наводит на размышления. Не исключено, что в др.-перс. *Aršāma-*, авест. *Spitāma-*, скиф. *Σπιδάμης* мы

имеем не укороченные сложные слова, а образования с формантом *-ma-*, выражающим отношение к чему-либо, как в авест. *dahyu-ma-* ‘относящийся к стране’, *zantu-ma-* ‘относящийся к племени’, или *-ma-* есть укороченный суффикс *-mant-* и означает наделенность каким-либо признаком³¹.

Что касается *Σπιταμένης*, то это имя стоит по образованию в одном ряду с пехлевийским *Spitāmān*, осетинским *Sidæmon*. Все три отражают патронимическое образование от *Spitama-* с помощью форманта *-āna-*. Долгота *ā* в *Spitāma-* вряд ли имеет этимологическое значение. Авеста дает формы и с долгим и с кратким *a*. Осет. *Sidæmon* также предлагает краткий *a* (*Spitama-*).

В отношении осетинского *Sidæmon* следует еще обратить внимание на огласовку *i*. В иронском диалекте осетинского языка, где бытует данная форма, *i* восходит обычно к дифтонгу *ai* (*īw* ‘один’ – др.-иран. *aiva-* и т.п.). Поэтому *Sidæmon* следовало бы возводить не к **Spitamāna-*, а к **Spaitamāna-*. Такое возведение, разумеется, возможно, но не обязательно. Иногда иронское *i* возводится к *i*, а не *ai*, например, в слове ^a*fsir* ‘колос’ (герм. **spira-*)³².

Наряду с производными именами *Spitama-*, *Spitamāna-* могло существовать и простое имя *Spita-* со значением ‘светлый’, ‘*Lūcius*’. В осетинском *Spita* дало бы закономерно *Sidæ*. Такое имя засвидетельствовано для осетин Туальского района (верховья р. Ардон) осетинским поэтом Коста Хетагуровым³³. Ср. авест. *Spiti-* – собственное имя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ср. для второй части перс. *ārām* ‘покой, отрада, довольство, счастье’.
2. См. англ. пер. соответствующего текста Николая Дамаскина в кн.: “Dastur Hosang memorial volume”, Bombay, 1918. С. 465–481.
3. R. G. KENT, *Old Persian*, 2 ed., New Haven, 1953. С. 159.
4. ПЛУТАРХ, Артаксеркс, гл. I.
5. F. JUSTI, *Iranisches Namenbuch*, Marburg, 1895. С. 168.
6. A. J. JOKI, *Finnisch-ugrisches im Ossetischen?* – “Commentationes Instituti Fennougrici”, XXIII, Helsinki, 1962. С. 161–162.
7. «Труды Института языкознания АН СССР», VI, 1956. С. 439, 440.
8. E. BENVENISTE, *Textes sogdiens*, Paris, 1940. С. 114, 217 сл.
9. J. WACKERNAGEL, A. DEBRUNNER, *Altindische Grammatik II: 2*. Göttingen, 1954, с. 468; “Beliebt sind im Ai. Nomina agentis auf *-u-* aus Verben...”.
10. Ср., например, др.-инд. *Vayu-*, *Viṣṇu-* и др.

11. НИКУЛИН Г. И. Сравнительно-исторический очерк *-и*-основ в латинском языке, АКД, Киев, 1963. С. 5 и сл.
12. J. CHARPENTIER, *Der Name Kambyses* (Kaⁿbūjiya), ZII, 2, 1, 1923. С. 140 и сл.
- 12а. Составитель словаря к произведениям Ксенофонта К. Крюгер снабжает термин *Μαρδόνιος* примечанием: «Vielleicht Marder, ein räuberisches Gebirgsvolk in mehreren Theilen Mediens und Armeniens» (К. W. KRUGER, *Lexikon zu Xenophons Anabasis*. Vierte Auflage, Berlin, 1872. S. 276).
13. W. EILERS, *Kyros*, – BNE, 15, 2, 1964. С. 205 и сл.
14. ОЛЬДЕНБЕРГ (H. OLDENBERG) переводит «the fine child» («The Sacred Books of the East», ed. by F. Max MÜLLER, vol. 46, Oxford. S. 54).
15. Следует учесть и то, что др.-инд. *ś* в *śiśviṣ* восходит к индоевр. *k̄* и мог иногда чередоваться с *k* и *č* (G. WACKERNAGEL, A. DEBRUNNER. *Altindische Grammatik*, Bd I, Göttingen, 1957. S. 228). В этом случае форма *čišpiš* была бы компромиссом между индоевроп. **k̄ikwis* и «нормальным» иран. **sispiš*.
16. В Гатах Зороастра *arta-* (*aša-*) и *xšadra-* выступают как божества, близкие к Ахурамазде. В антидэвовской надписи Ксеркса *arta* также стоит рядом с Ахурамаздой.
17. Имена приводятся в форме именительного падежа.
18. F. JUSTI, *Iranisches Namenbuch*, Marburg, 1895. С. 309, 310.
19. «Archiv Orientalni», XXIV, 1956, № 1. С. 51.
20. АБАЕВ В. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. С. 593–594; «Грамматический очерк осетинского языка», Орджоникидзе, 1959, § 171, п. 1.
21. Сидамоновы населяли сперва Алагирское ущелье. Но правнуки Сидамона – Курта и Тага – переселились в соседние ущелья и стали родоначальниками куртатинцев и тагаурцев. Наконец, и осетины в районе Дарьяльского ущелья принадлежали, по Клапроту, к большому осетинскому племени Сидамоновых. Таким образом, вся восточная (иронская) Осетия была заселена по преимуществу потомками Сидамона.
22. Ср. W. E. D. ALLEN, *Trivia historiae Ibericae*: «Some time after 1558 an aznauri (дворянин – В. А.) had, on the order of King Simon I, taken the castle of Vanati... The aznauri belonged to the Sidamoni family – one of the several noble Os clans who had penetrated and settled on lands south of the main chain of the Caucasus after the final destruction of the Alanic kingdom by the Mongols in the second quarter of the thirteenth century» («Bedy Kartlisa XVII–XVIII», Paris, 1964. S. 166).
23. «Осетинское народное творчество», сост. З. М. Салагаева, т. II, Орджоникидзе, 1961. С. 330.
24. См. статью L. FEKETE в: «Acta Orientalia Academiae Hungaricae», XI, 1960. С. 122, 123.
25. «Archiv Orientalni», XXIV, 1956, № 1. С. 51.
26. «Корпус боспорских надписей», М.-Л., 1965. С. 625 и сл.
27. «Archiv Orientalni», XXIV, 1956, № 1. С. 45.
28. ДЬЯКОНОВ И. М. История Мидии, М.-Л., 1956. С. 242–254, 286–292.

29. Там же, с. 272 и сл. По Н. WINCKLER'у («Untersuchungen zur altorientalischen Geschichte», Leipzig, 1889. S. 124) – сам мидийский царь Астиаг был скифом.

30. R.G. KENT, *Old Persian*, New Haven, 1953. S. 171; W. BRANDENSTEIN, M. MAYRHOFER, *Handbuch des Altpersischen*. Wiesbaden, 1964. S. 106; H. LOMMEL («Indogermanische Forschungen»). S. 54, 169 и сл.) допускает деление *spita-ama* ‘светлосильный’, J. DUCHESNE-GUILLEMIN («Les composes de Avesta», Liège-Paris, 1936. P. 165) высказывает догадку, не имеем ли во второй части имени *Spitāma*- синоним др.-инд. *amāti*- ‘блеск’.

31. G. WACKERNAGEL, A. DEBRUNNER, *Altindische Grammatik*, II, 2. С. 752.

32. АБАЕВ В. Скифо-европейские изоглоссы, М., 1965. С. 9, 133, 143.

33. КОСТА. Полное собрание сочинений, т. I. М.-Л., 1939. С. 237–238; *tækkæ bynme Sidæ syk'a ak'ul kodta* «до самого дна опрокинул рог Сиды».

Осетинское ILIVD – персидское ĀLUFTA

История иранского государства и культуры (М., 1971):

Бывают слова, засвидетельствованные в текстах и зафиксированные в словарях, существование которых однако же подвергается сомнению.

Таким словом является, например, персидский глагол *āluftan*. Часть лексикографов считает, что реально существует глагол *āšuftan*, а *āluftan* – это описка вместо *āšuftan*. Вуллерс, со ссылкой на Borhāni Qātiū, приводя *āluftan*, не дает ему никакого толкования, а отсылает к *āšuftan*. Последний он связывает с др.-инд. *kṣubh-* и дает ему следующие значения:

1) movere, agitare, pertubare; 2) commoveri, agitari, perturbari; 3) irasci. Причастие *āšufta* переводится: 1) agitatus, perturbatus; 2) iratus; 3) amans, amore captus¹.

Нет *āluftan* и в словаре Ценкера. Любопытно, однако, что и Вуллерс и Ценкер дают как самостоятельное слово причастие *ālufta*. По Вуллерсу, это слово означает то же, что *āšufta*, т.е. 1) agitatus и пр. (см. выше), а кроме того еще: 2) homo vagus, erro; 3) pauper, afflicus; 4) pila. Ценкер переводит *āšufta*: *troublé, agité, stupefait, attristé, hors de soi (par suite d'amour, de colère etc.), amoureux*. Для *ālufta* даются значения: *frappé, stupefait, épris d'amour, vagabond*².

В персидско-русских словарях М. А. Гаффарова (Москва, 1914) и Б. В. Миллера (Москва, 1953) отсутствуют как *āluftan*, так и *ālufta*. Новейший персидско-афганский словарь, изданный Афганской Академией наук (составитель Abdullah Afgani Naweess), под словом *āluftan* ограничивается отсылкой к *āšuftan* (т. 1, р. 28, Kabul, 1957). Так же персидско-английский словарь Najīm (Tahran, 1934). *Fārgang-e Amid* (Tahran, 1340) глаголу *āluftan* дает значения: *āšuftan, šūrīda šudan, parīšān šudan* (=быть взволнован-

ным, возбужденным, обезумевшим и пр.). Эти же значения находим в словаре Мо'ин (TAHRAN, 1963, с. 82).

Р. Норм не включил *āluftan* в свой этимологический словарь (Grundriss der neupersischen Etymologie, 1893). Этот же автор в другом месте высказывает догадку, что *āluftan* не более как описка вместо *āšuftan*.

Действительно ли *āluftan* представляет то, что называют ghostword? Или это слово, хотя и существует, но настолько полно и точно совпадает по значению с *āšuftan*, что они во всех случаях и контекстах взаимозаменяемы? Есть основания думать, что ни то, ни другое не соответствует действительности. В ряде источников и словарей глаголы *āšuftan* и *āluftan*, их причастия *āšufta* и *ālufta* четко различаются, и им даются хотя и близкие, но не тождественные значения.

Так «Полный персидско-арабско-русский словарь» И. Д. Ягелло (1910) дает:

āšufta влюбленный, помешанный, смущенный, расстроенный, нечеткий, неразборчивый (про письмо);

ālufta удивленный, изумленный, свирепый, бешеный, сумасшедший; влюбленный; разбитый, немощный, хилый, слабый, бедный; огорченный, печальный, скорбящий; распутник, развратник.

Целиком совпадают с Ягелло показания «Persian-English dictionary» F. Steingass'a:

āšufta enamoured, mad, confounded, illegible (writing);

ālufta astonished, furious, insane, mad; broken, infirm, poor, disconsolate; a debauchee.

Таджикско-русский словарь (1954):

olufta 1. расфранченный, разряженный; 2. 1) щеголь, франт; 2) кутила, гуляка, дебошир, буян⁴. Эти значения до некоторой степени примыкают к переводам *ālufta* у Ягелло: распутник, развратник.

ošufta (*ošuftadil*, *ošuftaxotir*, *osuftahol*) взволнованный, возбужденный, встревоженный, смущенный, расстроенный, влюбленный.

Самостоятельность глаголов *āšuftan* и *āluftan* поддерживается и тем, что каждый из них допускает свою особую этимологию. *Āšuftan* сближается с др.-инд. *kṣubh-* 'приходить в движение, волнение'⁵. Для *āluftan* профессор М. Mauryhofer указывает (в письме), со ссылкой на Morgenstierne, безупречную с формальной и семантической стороны этимологию: др.-инд. *lubh-* 'быть в смущении, в замешательстве, в беспокойстве', 'быть во власти желания, страсти, любви'. Сюда же слав. *ljubiti*, нем. *lieben*, лат. *lubet*, *libet* 'нравится' и пр.⁶.

В то время как в европейских языках находит отзвук преимущественно одно из значений др.-индийского *lubh-*, именно 'желать', 'лю-

бить’, персидское *āluftan* выявляет всю гамму значений, в том числе ‘быть в замешательстве, в волнении, беспокойстве’ и пр.

Мне представляется, что в это этимологическое гнездо надо включить и осетинское (дигорский диалект) *ilivd* ‘несчастный’ и пр.

В числе значений персидского *ālufta* есть и ‘бедный’, ‘жалкий’, ‘бродяга’, ‘pauper’, ‘afflictus’, ‘homo vagus’, ‘erro’ (Vullers), ‘vagabond’ (Zenker), ‘broken’, ‘infirm’, ‘poor’, ‘disconsolate’ (Steingass), ‘разбитый’, ‘немошный’, ‘хилый’, ‘слабый’, ‘бедный’, ‘печальный’ (Ягелло). Эти значения составляют **специфику** *ālufta* и чужды *āšufta*.

Они присущи и осетинскому *ilivd*. Приведу несколько цитат из произведений дигорского поэта Б. Гурджибекова, который особенно охотно употребляет это слово.

В стихотворении *Mægurgog* («Нищий») поэт говорит о горькой участи нищего:

ewnægæj, ilivd, særigon, fece, bæğnægæj, xætuj mægurgor

«одинокий, жалкий с непокрытой головой, в лохмотьях, голый бродит нищий».

В стихотворении «*Wazt*» («Любовь») поэт, поняв, что его любовь обманула, восклицает:

nur bafæswardton mæ ilivd

«теперь я узнал, как я несчастен»

и далее:

waržti miždi run išširdton fælivdæj

ka’j mæ zærdi tad iždi mæ mæguri, ilivdæj

«в награду за любовь я нашел болезнь (по вине) обманщицы, она в моем сердце, как расплавленный свинец, я бедный, несчастный».

В стихотворении «*Wasgergi*» («Святой Георгий») говорится, что к *Wasgergi* обращены молитвы всех, кто нуждается в помощи:

«kovæn din, kovæn ædzoхæj,

wæ, wælarvon bazurgin:

ka æ kušti rist k’oxæj,

ka æ k’æsi æd rungîn,

ka æ nadi særi ilivdæj...»

«молимся тебе, молимся все время,

о, крылатый небожитель,

кто за работой с натруженными руками,

кто у себя в хижине больной,

кто на дороге несчастный (сбившийся с пути).

и далее:

*tabu din kænæn næ kuvdæj.
wæ, næ cardi mifs dættæg,
ma næ ma wadzæ ilivdæj
æd warzon ma æd xæstæg.*

«мы славословим тебя своей молитвой,
о, податель надежды в нашей жизни,
так не оставляй же нас беспомощными
вместе с нашими любимыми и родными».

В пьесе «Æduli» («Дурачок») бедняк, который стал жертвой бандитов дворян, называется *ilivd od* «несчастливая душа».

В этой же пьесе героиня, которую против воли выдают за богатого, но придурковатого юношу, называет себя *ilivd* и молит бога:

*wæ, me 'zædixaj, mæ xucaw!
mæxe we 'wazæg, wæ baræ ilivdæj kænun.*

«о, мое божество (мой ангел), мой бог!

отдаю себя под ваше покровительство, под вашу волю, (я) несчастная».

Она же, обращаясь к умершему брату, жалуется, что он оставил ее *ilivdæj*:

*wæ, Naluq, wæ me 'rvadæ,
ku niwwaxtaj mæ ilivdæj
«о, Налук, о, мой брат,
(ты) оставил меня несчастной
(обездоленной, беспомощной)».*

Для уточнения значений слова *ilivd* я обратился к дигорскому писателю Тазрету Бесаеву, который любезно сообщил: «Слово *ilivd* часто встречается у дигорцев в бытовом разговоре. Так говорят о невзрачном, бедно одетом человеке. Подойдут также значения 'убогий', 'обездоленный', 'беспомощный', 'бесприютный', 'жалкий'». Т. Бесаев приводит для иллюстрации несколько фраз из живой дигорской речи:

Æzinae ġazti Qalibegti næwwæg siaxsi fæwwidton: ci qæbær ilivd æma ægudzæg æj. Nur eci ilivdæn kud ravardtoncæ sæ desæ-mesæ dzaæbæx kizgæ?

«вчера на танцах я увидел нового зятя Калибеговых: до чего он жалкий и беспомощный. Как они отдали свою на удивление хорошую девушку за этого несчастного?»

xucaw dæ stong æma ilivdæj fæccærun kænæd

«пусть бог пошлет тебе жизнь голодную и жалкую» (проклятие).

Такие же значения дает для *ilivd* известный дигорский поэт А. Гулуев.

Как видим, в осетинском *ilivd* закрепилось одно из значений, свойственных персидскому *ālufsta*: 'жалкий', 'несчастный' и пр.

Формально *ālufta* восходит к др.-иран. **ā-lufta-*, *ilivd-* к **vi-lufta-*. Ожидали бы скорее **ilivd*; но в дигорском бывают случаи перехода *a, u* → *i* по ассимиляции гласных или по другой причине; ср. *itindzun* ‘расстилать’ из **vi-ṭanǰ-*, *imisun* ‘придумывать’ из **vi-mas-*, *fidbiliz* из *fud-iblis* ‘злой гений’; ср. также *mistæ* из *mus* ‘мышь’. Отметим, что и в латинском наблюдается колебание *libet*||*libet*.

В моем Историко-этимологическом словаре I 543 я предположительно возводил *ilivd* к **vi-lipta-* от *rip-*, *lip-* ‘пачкать’, ‘обманывать’ (осет. *fælevun* : *fælivd* ‘обманывать’). Об этой этимологии придется отказаться как семантически крайне натянутой.

Близость значений между *āluftan* и *āšuftan* объясняется отчасти близостью между исходными *lubh-* и *kšubh-*: в обоих глаголах присутствует идея психического возбуждения. Созвучие *āluftan* и *āšuftan* способствовало, вероятно, их дальнейшей семантической контаминации и сближению.

Глаголы, выражающие эмоции возбуждения, желания, любви, в прототипе имеют нередко магическую семантику, означая, пассивно – **одержимость**, активно – **колдовство**⁷. Глагол *lubh-* относится, по видимому, к этому разряду. Значения ‘несчастный’, ‘жалкий’ в осет. *ilivd* и перс. *ālufta* могли развиваться из идеи **одержимости**.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. VULLERS. J. A. *Lexicon persico-latinum etymologicum*, Bonnae ad Rhenum, 1845, I 39, 48.
2. VULLERS I 48: – ZENKER J. Th. *Dictionnaire turc-arabe-persan*, Leipzig. 1866. P. 54, 90.
3. HORN P. *Neupersische Schriftsprache* (Grundriss der Iranischen Philologie I, 2. P. 138): «Ganz unsicher sind *ā-luf-tan*, *ā-luft-īdan*, *ā-luf-ta*, *ā-luf-t*, die mit den entsprechenden Formen von *a-šuf-tan* synonym sein sollen, aber vielleicht nur Verschreibungen derselben sind».
4. Глагола *oluftan* Таджикский словарь не дает.
5. VULLERS I 39; Horn 8.
6. UNLENBECK, Et. *Worterbuch d. Altind. Spr.* 263.
7. АБАЕВ В. И. К палеонтологии слов, обозначающих «любовь» и «ненависть». – Осетинский язык и фольклор, I, Москва, 1949. С. 579–586.

FROM IRANIAN ONOMASTICS

SUMMARY

1. The personal names of the Achaemenids

Contrary to the common opinion that a number of Achaemenid names, such as *Kuruš*, *Kambujiya*, *Čišpiš* are of non-Iranian origin, they can be explained by means of the Iranian languages; hence, all the Achaemenid names without exception are of Persian origin.

Kuruš is derived from the common Iranian stem **kur-*, which verbally meant «to be born» (the Ossetic *i-gurun* – «to be born» from the Old Iranian **vi-kur-*), and nominally meant «child», «baby», «buck», «hero», etc. (the Kurdish *kur* «boy», «son», the Persian *kurra* «buck», the Ossetic *kur* «bull-calf»).

The name *Kambujiya* is derived from the tribal name *Kamboja*, as it was convincingly shown by J. Charpentier in his time.

The name *Čišpiš*, taking into account some small phonetic variations, corresponds to the ancient Indian *śiśviṣ* and means «growing», «mighty».

2. The Avestan Spitama, Pahlavi Spitaman, Ossetic Sidæmon

According to Ossetic legends, one of the forefathers of the Ossetic people had the name of *Sidæmon*. This name is traced back to the Old Iranian **Spitamana*, Pahlavi *Spitāmān*, the tribal name of Zoroaster. Historically, however, *Sidæmon* of Ossetia and the ethnogonical legend in which he plays part are in no way connected with the Avestan tradition and are totally independent.

Speaking of the ethnic relationship of the clan of *Spitama* from which Zoroaster came, one should bear in mind the Ossetic eponym *Sidæmon*, as well as the Scythian name *Spithamēs* (Phanagoria, IV century B.C.) as the two cases whose ethnic relationship does not leave a shade of doubt.